

УДК 81-112.2
ББК 81'373.611

Т.П. Трошкина

**ОСОБЫЙ ТИП
СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ
СИНОНИМИИ
В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА**

Рассматривается особый тип словообразовательной синонимии. Будучи активной на протяжении истории языка, синонимия производного и производящего слов служит подтверждением возможности перерастания однокоренной синонимии в словообразовательную синонимию. Возникнув в древности, первоначальный параллелизм на -ый/-ный превращается в среднерусский период в словообразовательную синонимию. Данное явление носит общеславянский характер, что подтверждается материалами русского, украинского и польского языков.

Ключевые слова: *формирование категории качественных имен, синонимичные пары, дифференциация значения, словообразовательная синонимия.*

Трошкина Татьяна Петровна – канд. филол. наук, доцент, зав. кафедрой русского языка подготовительного факультета Казанского (Приволжского) федерального университета
Тел.: +7(843)277-10-31
E-mail: t_troshkina@mail.ru

© Трошкина Т.П., 2014 г.

Синонимия производного и производящего слов, остающаяся активной на протяжении истории языка, служит подтверждением возможности перерастания однокоренной синонимии в словообразовательную синонимию. Современные исследования по историческому словообразованию свидетельствуют скорее не о периферийности данного типа отношений между производящими и производными словами, а об особой роли синонимии данного типа. Роль эта в те или иные периоды развития языка различна, как различны и причины формирования синонимии на синтагматической оси, а также пути развития данной синонимии, служащей иногда «сырьем, материалом» для словообразовательной синонимии, когда синонимия включается в парадигматические отношения. Это происходит весьма интенсивно, когда производящие слова имеют четкую словообразовательную структуру, являясь производными в системе других отношений (см. [Николаев, с. 305 – 313]).

Словообразовательная синонимия прилагательных, находящихся в отношениях производящего и производного слов, относится к числу очень древних явлений, связанных с периодом формирования категории качественных имен. Существительное и прилагательное выделились из общего нерасчлененного имени, причем это настолько древний и неоднозначный процесс, что решение проблем, связанных с ним, представляется скорее всего гипотетическим, особенно если речь идет об одновременности или разновременности

появления таких образований, как *недугий* – *недужный* или *прокий* – *прочный*.

История формирования и развития субстантивно-адъективных отношений в славянских языках имеет большую временную протяженность, включая на определенной стадии развития распад древнего категориального синкретизма, проходившего с помощью грамматических, лексических и словообразовательных языковых средств. А.А. Потебня связывал синкретичность древнего имени с характером мышления средневекового носителя русского языка – с периодом так называемого мифологического мышления, при котором объективируемая в слове мыслительная информация начинается с обозначения целого восприятия, не разложенного на субстанцию и предикат или атрибут (см. [Потебня, с. 38 – 39]). Одним из главных средств «устранения двойственной субстанции» было словообразование. Образование имен от основ древнего недифференцированного имени не отражало еще межкатегориальных отношений. Искони именное словообразование было внутрикатегориальным (имя > имя). Основной функцией присоединившегося древнего суффикса к древней основе была функция распространения и конкретизации этой основы. При образовании суффиксальных адъективов типа *недужьнь*, *прочьнь* решалась проблема устранения неопределенности семантики производящих слов, хотя и в производном слове семантика оставалась размытой. В дальнейшем между производящим и производным словами устанавливаются отношения словообразовательной синонимии, однако говорить об этом можно только в связи с распадом семантического синкретизма. В.В. Колесов отмечает: «Как осознанный культурный факт многозначность развилась у восточных славян к исходу XIV века. Именно с этого времени... порождаются синонимические ряды, которых до того фактически не было, поскольку слова, впоследствии ставшие синонимами, раньше входили в разные языки, разные стили, обслуживали разные литературные жанры, – короче были лингвистически неоднородным материалом. Синонимия же материально воплощает идею многозначности, дотоле скрытую в недрах отдельного слова...» [Колесов, с. 19].

Если обратиться к XV–XVII вв., то обнаружится, что количество параллельных образований на *-ый/ -ный* значительно сокращается по сравнению с предыдущим периодом (например, в древнерусском языке XI–XIV вв. – примерно 150 пар, а в отмечаемый период – около 90 пар). И тем не менее удастся отметить новые формы, не встречающиеся в памятниках более раннего периода; и, наконец, в отдельных случаях можно увидеть намечающуюся разницу в значениях в синонимичных формах при абсолютной семантической однозначности в предыдущий период.

Показательно, что и в это время в круг образований на *-ый/ -ный* включены порядковые числительные (*девяťдесяťый* – *девяťдесяťный*, *девяťсотый* – *девяťсотный*, *пятаťдесяťый* – *пятаťдесяťный*, *пятаťсотый* – *пятаťсотный* и др., СРЯ XI–XVII вв.), что свидетельству-

ет об определенной популярности словообразовательного синонимического типа на *-ый/-ный* как в древнейшее время, так и в более поздний период. Эта синонимия носит общеславянский характер. Так, например, в польском языке без какой-либо семантической дифференциации выступают *dziesiąty – dziesiątny; pierwszy – pierwszy* и др.

Общее число синонимических пар, о чем уже шла речь, в языке среднерусского периода сокращается, и встречаются они, как правило, без какого-либо смыслового различия. Таким образом, на протяжении длительного периода языкового развития картина меняется по преимуществу в количественном отношении; при этом можно обнаружить частичные качественные изменения, которые приведут постепенно к изменениям коренным. В древнерусский период можно было говорить только о близкозначности слов-синкрет, но не об их синонимии. В среднерусский период, если обратиться к формам на *-ый/-ный*, где образования на *-ый* – непроизводные с позиций рассматриваемого периода, количество семантически однозначных и неоднозначных синонимических пар примерно равно, но не потому, что увеличивается число дифференцированных форм, а в связи со значительным сокращением идентичных пар.

Семантически идентичны в среднерусский период *гораздый – гораздный, искреный – искренный, зѣлый – зѣльный, похабъ – похабный, праздый – праздный, пребогатый – пребогатный, прекий – пречный, пристраный – пристранный, притраный – притранный, раный – ранный* и некоторые другие, что служит ярким подтверждением значительного сокращения синонимии на *-ый/-ный* по сравнению с древнерусским языком.

Приведенные отношения не являются исключительно русскими или восточнославянскими, например, в польском языке этого периода как абсолютные синонимы представлены следующие пары: *droby – drobny, iny – inny, gościny – gościnny, obstarу – obstarни* и т. д.

Наряду с парами, идентичными по значению, можно отметить семантически дифференцированные синонимические образования. Это, например, *извѣстый – извѣстный*. Кроме общего значения «достоверный, точный, тщательный; твердый, непоколебимый; верный, надежный», прилагательное *извѣстный* имеет значения «распространенный, общепринятый, содержащий известие, сообщение (о документе)»; как субстантиват: «осведомленный, знающий», СРЯ XI–XVII вв. В дальнейшем закрепляется слово *известный* как обладающее более широкой семантикой.

Как и в древнерусском языке, различаются по значению *частый – частный*. И если *извѣстый – извѣстный* имеют частичную семантическую дифференциацию, то *частый – частный* – полную, не являясь в среднерусский период синонимами, а только гипотетически указывая на возможные парадигматические и синтагматические отношения в древности, по аналогии с другими образованиями.

В польском языке: *isty* – 1. несомненный, точный; 2. правдивый, натуральный; 3. типовой, объявленный; 4. главный; 5. известный; *istny* – 1. правдивый, очевидный; 2. существующий реально; 3. типовой, объявленный; 4. главный; 5. известный, Сл. п. яз. XVI в; *obfity* – *występujący w dużej ilości, w znacznym nasileniu, liczny, wielki, pełny, nadmierny, obfity*, 1474 R, XXIII, 297, Urban.; *obfitny* – *obfity, bogaty, nieprzebrany, liczny, largus, copiosus: opfitney lasky plena gracia* 1444, R, XXIII 302, Urban.

Последний пример интересен тем, что форма *obfity* по сравнению с *obfitny* имеет значение интенсивности, усиления, что встречается крайне редко при синонимии подобного типа. По степени признака различаются также *безстыжий* – *безстыдный*, САР, XVIII в. Трудно сказать с полной достоверностью, однако вполне возможно, что, присоединяясь в древности к синкретичной основе, суффиксы не только устраняли двойственность, двусмысленность древней производящей основы, выполняя функцию распространения и конкретизации этой основы, но и выделяли признак в той или иной степени проявления. Известно мнение Н.С. Трубецкого о форманте *-ькѣ* как обладающем уменьшительным значением [Трубецкой, с. 224 З]; суффикс *-ьн-*, о чем свидетельствуют материалы, также мог выделять признак в определенной степени проявления.

В украинском языке этого же периода *ближий* – *ближний* находятся в довольно любопытных отношениях, так как *ближий* – это *ближчий* (который находится ближе), форма как бы приравняется к сравнительной степени, а, может быть, и является ею. Но так или иначе, данный пример еще раз подчеркивает, что суффикс *-*јь-* имеет широкие границы функционирования, а отсюда и разнообразные значения.

Наряду с вышеуказанными парами, встречаются семантически неоднозначные образования: *досужий* – *досужный*, *пригожий* – *пригодный*, *прочий* – *прочный*, *различь* – *различный*, а именно: *досужий* – *досужный* – умелый, способный. Кроме этого, *досужный* – имеющий досуг, свободно располагающий своим временем.

Если обратиться к словообразовательной синонимии на *-ый* / *-ный*, где образования на *-ый* – производные, т.е. аффиксально нулевые, то обнаруживается уменьшение количества пар по сравнению с древнерусским периодом. Из семантически однозначных отмечены: *весный* – *весный*, *усердый* – *усердный*, *камчатый* – *камчатный*, *гобиный* – *гобинный*, *заутрений* – *заутренний* *притчиный* – *притчинный* и др.

Подтверждением общеславянского характера адъективной синонимии на *-ый* / *-ный* служат материалы старопольского языка, где без какой-либо разницы значений встречаются пары *jary* – *jarny* (Reczek), *krewy* – *krewny*, *plony* – *plonny* (Urban.).

Таким образом, материалы среднерусского периода дают значительное количество синонимических пар на *-ый* / *-ный*, различающихся оттенками значений, где формы на *-ый* – производные (отыменные).

Суффикс *-ьн-* в древнейшие времена способен был осложнять основы одушевленных существительных, образуя прилагательные на *-ний*,

-ный. В древнерусском языке таких примеров множество, например в русском языке: *прабабний, матерний, куропатный, птичный, голубный* и др.; в украинском языке этого же периода: *владичий – владичный; горносталий – горностальный* и т.д.

О другом пути разрушения синонимии притяжательных прилагательных на *-ий/ -ный* свидетельствуют образования, различающиеся по семантике, причем формы на *-ный* могут приобретать более отвлеченное значение, как, например, «такой по характеру, знатности, как тот, на кого указывает производящая основа»: *вельможий* – прил. к вельможа; *вельможный* – высокородный, знатный, СРЯ XI–XVII вв. Прилагательные на *-ный* приобретают и другое значение. Например, *кожевничий* – прил. к кожевник: ***Вверхъ по р. Москвѣ къ Лужецкому монастырю по берегу слободка кожевничья 9 дворов***, Кн. п. Моск. 1, 628, СРЯ XI–XVII вв. В данном случае не приходится говорить о личной принадлежности, так как по контексту легко определяется принадлежность родовая. Вероятно, через это значение при осложнении суффиксом *-ьн-* (а также *-ьск-*) появляются адъективы *кожевничный* (кожевнический) с общим значением «относящийся к кожевному делу»: ***Продали есми опальной дворъ Иванка Иванова сына, кожевника со всемъ дворовымъ запасомъ, окомъ кожевничного запасу***, АЮБ II, 388, СРЯ XI–XVII вв. Такое значение общего отношения свойственно, вероятно, многим адъективам, образованным от существительных, обозначающих лицо по профессии.

Синонимия притяжательных прилагательных на *-ий/-ный* представлена и в других славянских языках; намечаются также основные пути разрушения этой синонимии. Так, например, в польском языке этого периода: *ropieliczy* – белке принадлежащий, из меха белки сделанный; *ropieliczny* – с белкой связанный (Urban.). Современный польский язык дает форму *ropielicowy*.

Таким образом, синонимия притяжательных прилагательных на *-ий/-ный* широко распространена в среднерусский период, однако заметной становится тенденция к ее разрушению, к размежеванию форм на *-ий* и *-ный*. При этом адъективы на *-ий* по преимуществу (за исключением *горносталий*) имеют значение общей принадлежности, а образования на *-ный* закрепляют за собой значение «относящийся к какому-либо делу» (при соотнесенности с существительными, обозначающими лицо по профессии), либо общую отвлеченную семантику.

В памятниках среднерусского периода обнаруживаются также единичные пары на *-тый / -тный* (типа *прикрытый – прикрытый*), являющиеся достаточно интересными, поскольку они указывают на истоки таких современных синонимичных пар, как *покатый – покотный, сытый – сытный, занятый – занятный* и т.д.

В среднерусский период отмечена пара *забытый – забытный*. Можно предположить, что форма *забытный* является либо страдательным причастием, либо отглагольным прилагательным, но привлекает внимание, что наряду с ней достаточно широко, и с тем же значением «забытый, оставленный без внимания», встречается форма *забытный*

(незабытнѣй): *Царь же князь великий за сию измену казанцев посла земля Казанския воевати все улусы 2 своих воевод преславных, а третьяго началнаго воеводу, храбраго князя Семнона Никуллинского, достойнаго памяти и незабытнаго*, Каз. ист., 83, л. 76. Внимательно вчитавшись в текст, можно с большей определенностью сказать, что *забытый* и производное от него *забытнѣй* являются отглагольными прилагательными. Однако есть случаи употребления формы *забытнѣй* как страдательного причастия: *Надѣмся и мы не забытнѣи и познани твоею быти и жаждуще от тебе мѣсти*, Сл. похв. Ф., 14, СРЯ XI–XVII вв. Наряду с вышеуказанными образованиями, отмечена также форма *забытливый* с оттенком действительного причастия в значении «склонный забывать что-л., забывчивый, забывающий»: *Бжесвенного писання ненавычен обаче же и забытливъ еще же и боязнию одержимъ*, Гр. № 52, ГБЛ ф. 20, № 1641 л. 49-50, СРЯ XI – XVII в в.

Независимо от того, является ли *забытый* и ему подобные формы отглагольными прилагательными или причастиями, важной является сама возможность абсолютно параллельного употребления форм *забытый* и *забытнѣй* (ср. *забытливый*).

Ни в древнерусский, ни в среднерусский периоды не отмечена, например, форма *приятый* или *принятый*, но *приятнѣй* – 1. такой, который нужно принять; принимаемый; 2. постигаемый, познаваемый; 3. такой, который может быть принят; угодный; 4. удобный, подходящий, пригодный; 5. заслуживающий чего-л., достойный и др. Вполне вероятно, что эта форма образована по аналогии с уже действующим типом на *-тый/ -тнѣй* с пропуском одного звена. Тем более что параллельно существуют прилагательные *приятский* и *приятливый*.

Синонимическая пара *прибылый* – *прибылнѣй* отличается от предыдущих качеством форманта и более прозрачной соотнесенностью с глаголом: а *прибылые* люди в город не успели, а были тутошние люди и *прибыльные* немногие, Пис. л., л. 496, с. 31. В дальнейшем – только *прибывшие*.

Таким образом, возникнув в древности, первоначальный параллелизм на *-ый/-нѣй* превращается в среднерусский период в словообразовательную синонимию. Данное явление носит общеславянский характер, что подтверждается материалами русского, украинского и польского языков. Естественно, что и в XV – XVII вв. семантическая размытость образований на *-нѣй* не преодолена, хотя семантически дифференцированных синонимических образований больше, чем в древнерусский период. Дальнейшее прояснение и размежевание словообразовательных синонимов производящего и производного слов произойдет в XVIII в.

Литература

Колесов В.В. Исторические основания многозначности слов и лингвистические средства ее устранения // Русское семантическое словообразование. Ижевск, 1984.

Николаев Г.А. Словообразование в древнерусском тексте // *Slowotwórstwo slowian'skie: system i tekst. Poznań*, 2012. С. 305-313.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. М., 1968.

Трубецкой Н. С. Славянские прилагательные на -ъкъ // *Трубецкой Н.С. Избранные труды по филологии*. М., 1987.

Источники

Ист. сл. укр. м. – Історичний словник українського языка. Т. І. Ред Е.Тімченко. Харків; Київ: Державне вид-во України, 1930.

САР – Словарь Академии Российской, ч. I – IV. СПб., 1789 – 1794.

СРЯ XI–XVII в.в. – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – 21. М., 1975 – 1995.

Сл. п. яз. XVI в. – *Słownik polszczyzny XVI wieku*. Т. 1–9. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1966 – 1975.

Reczek – *Podręczny słownik dawnej polszczyzny*. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1968.

Urban. – *Słownik staropolski pod red. Stanisława Urbanczyka*. PAN. Wrocław; Kraków; Warszawa, 1955 – 1975.

Troshkina T.P.

Kazan (Volga-Region) Federal University

SPECIAL TYPE OF DERIVATIONAL SYNONYMY (ON THE MATERIAL OF SLAVIC LANGUAGES)

The article deals with a special type of derivational synonymy. Being active throughout the history of the language, the synonymy of derivating and derived words confirms the possibility that synonymy in word families can become derivational synonymy. The original parallelism -ый/-ный that appeared in ancient times turned into word formation synonymy in the Middle Russian period. This phenomenon has a common Slavic character which is proven in the article by the examples from Russian, Ukrainian and Polish.

Keywords: *the category of qualitative nouns, synonymic pairs, meaning differentiation, word formation synonymy.*